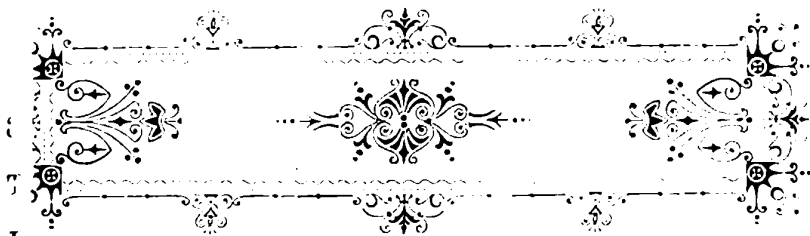

авторитеты не являются желанными руководителями. При поясненіи поцѣлуя они, какъ никогда, расходятся во мнѣніяхъ и протѣиворѣчать другъ другу самымъ удивительнымъ образомъ. Въ общемъ происходитъ такая-же разногласица, какъ и при объясненіи любви или женщины, о которыхъ писали, пишутъ и еще долго будутъ писать, и все-таки ничего положительнаго, безусловнаго не сказали, не говорятъ и, вѣроятно, не скажутъ.

Что вопросъ о поцѣлуѣ не маловаженъ, доказательствомъ этого можетъ послужить то, что онъ имѣтъ свою исторію, физиологію, патологию, этнографію, и даже гигиену, законы и права. Вообще выбранная нами тема крайне интересна,—какъ она выполнена это другой вопросъ. Пусть судить насъ благосклонный читатель, обязаный принять во вниманіе отсутствіе литературнаго матеріала по этому любопытному вопросу.

Исторія поцѣлуя.

О происхожденіи и давности поцѣлуя сущест-
вуетъ множество разнорѣчивыхъ взглядовъ и мнѣ-
симпатично характеризующихъ этотъ почти
всѣду признанный знакъ привѣтствія, уваженія и
любви.

Выясняя въ надлежащей послѣдовательности
исторію поцѣлуя, прежде всего нужно признать,
что любовь и поцѣлуй есть нѣчто не раздѣлимое:
такъ давно существуетъ любовь, такъ давно извѣ-
стенъ и поцѣлуй, но еще будетъ вѣриѣе, если мы
назовемъ поцѣлуй выдумкой любви. Хотя, впрочемъ,
съ теченіемъ времени, какъ и все въ подлунномъ
мірѣ, онъ въ частностяхъ опошлялся; былъ низве-
исторія поцѣлуя.

день до степени разврата и продажности, но въ общемъ его значеніе никогда не утрачивало понятія о блаженствѣ и счастѣ, правда можетъ быть—условномъ и не обезпеченномъ продолжительностью, но за то всегда безконечно восторженномъ.

Существованіе поцѣлуя не обуславливается какой-нибудь цифрой лѣтъ, какимъ-нибудь періодомъ,—онъ уже давно справилъ юбилей нѣсколькихъ тысячелѣтій, такъ какъ за исключеніемъ нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, напримѣръ Ботокудо, Таитянъ, Эскимосовъ и Лапландцевъ, цѣлуются всѣ народы цивилизованнаго міра.

Признавая за поцѣлуемъ подчиненное значеніе почти исключительно одной любви, на которую зиждится вся его сила и слава, мы должны по справедливости начать свое повѣствованіе и по съ поцѣлуя любовнаго, какъ съ самаго (въ большинствѣ) искренняго, не имѣющаго со всѣми другими фальсифицированными поцѣлуями ничего общаго, кромѣ названія. Поцѣлуй родительскіе тутъ не разумѣются, такъ какъ ихъ проявленіе случайно, вызываемое привычкой, инерціей,—они только приправа къ дружескимъ объятіямъ. Это не поцѣлуй, а ласка, выражаемая въ несоотвѣтствующей ей назначенію формѣ въ силу бѣдности на-

стоящихъ лоскательныхъ приемовъ. Кто-то родительскіе поцѣлуй сравнилъ съ каплями дождя, прорывающимися сквозь тѣнистое дерево,—и онъ былъ правъ. Какъ капли дождя подъ тѣнистымъ деревомъ не ощущаемы, какъ эти капли—не дождь, такъ и родительскіе поцѣлуй—не поцѣлуй, а только ласка, можетъ быть даже такая, которая дороже всякихъ поцѣлуевъ, но все-таки ласка, а не поцѣлуй...

Рай былъ колыбелью поцѣлуй для всего христіанскаго міра; нашъ праотецъ получилъ первый поцѣлуй, когда Господь вдохнулъ въ него жизнь *).

Второй поцѣлуй принадлежитъ Адаму. Одна иудейская легенда, конечно не существующая въ священныхъ книгахъ, картинно рисуетъ этотъ первый поцѣлуй перваго человѣка.

Наша прародительница Ева расположилась отдохнуть подъ тѣнью вѣтвистаго дерева, — сонъ ея былъ сладокъ и безмятеженъ. Адамъ съ нѣжною любовью къ своей подругѣ стоялъ на стражѣ и охранялъ ея покой отъ насѣкомыхъ, птицъ и звѣрей, которые въ то время не стѣснялись присутствіемъ человѣка и чувствовали себя въ раю совершенно по домашнему. Тогда насѣкомые, птицы

*) Это мнѣніе принадлежитъ Рейнгольду Винеро.

и звѣри были безвредными и первымъ людямъ не внушали никакого страха,—охрана-же Адама была только лаской, не болѣе. Подойдешь-ли къ ложу Евы какой-нибудь звѣрь, привѣтливо махая хвостомъ,—Адамъ тотчасъ-же его отгоняетъ, что-бы онъ порохомъ не потревожилъ сна подруги; появится-ли на этомъ тѣнистомъ деревѣ, простиравшимъ свои кудрявыя вѣтви надъ ложемъ Евы въ видѣ шатра, какая-нибудь радостно чирикающая птичка, — Адамъ отгоняетъ и ее, что-бы ея не своевременныя пѣсни не разбудили подругу; подкрадется-ли какое-нибудь насѣкомое и любовно сбегается на свою повелительницу, Адамъ поспѣшно стонитъ и его, что-бы и отъ его едва—ощутительныхъ прикосновеній не нарушился-бы безмятежный покой любимого существа.

Онъ зорко слѣдилъ за окружающимъ, но не замѣтилъ какъ ворвалась смѣлая пчела и стала кружиться вокругъ лица Евы. Онъ только тогда усмотрѣлъ ея нежелательное присутствіе, когда она съ медотичнымъ жужжаньемъ опустилась на пухленькія губки своей царицы, предполагая найти въ нихъ необходимую для себя сладость. Несообразительная пчела плѣнилась ихъ виѣшнимъ красивымъ видомъ, ихъ яркой краской и приняла ихъ за лучшіе цвѣты роскошной райской флоры.

Адамъ осторожно наклонился къ самому лицу

подруги и своимъ дыханіемъ хотѣлъ отогнать непрощенную гостью, но она стойко выдерживала ревнивыя поползновенія своего повелителя и не подѣ какимъ видомъ не хотѣла покинуть своей соблазнительной позиціи. Адамъ все болѣе и болѣе усиливалъ свое дыханіе, но непослушная пчела не трогалась съ мѣста. Разумѣется, онъ могъ-бы ее прогнать однимъ легкимъ прикосновеніемъ руки, но боялся, что это можетъ услышать Ева и упрекнуть его въ безсердечности. Онъ не смѣлъ никого обижать. По мѣрѣ усиленія дыханія, нашъ праотецъ все ближе и ближе приближался къ лицу подруги. Наконецъ его губы оказались въ самомъ незначительномъ разстояніи отъ ея. Невѣдомая сила подтолкнула и онъ прикоснулся къ ея губамъ, которыя покинула шустрая пчела только въ этотъ моментъ. Ева съ блаженной улыбкой раскрыла глаза и ничуть не удивилась новой, своеобразной ласкѣ Адама, уловившемъ въ поцѣлуѣ блаженство.

Вотъ какова легенда про первый любовный поцѣлуй, изобрѣтеніе котораго всецѣло принадлежитъ пчелѣ.

Впрочемъ, рай былъ свидѣтелемъ поцѣлуя значительно раньше этого случая. Бѣлоспѣжные голуби, пѣжныя и вѣчно-влюбленные, дружныя и миролюбивыя, съ перваго дня своего появленія на

свѣтъ знали этотъ пріятный любовный пріемъ и безпримѣрно имъ пользовались *).

*) Покойный даровитый стихотворецъ Н. С. Стружкинъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній обращаетъ вниманіе супруговъ на голубиную дружбу и рекомендуетъ имъ брать примѣръ съ этихъ маленькихъ счастливцевъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Вотъ нахохливъ свои перья и раздувши свой зобокъ,
И, воркуя, близъ голубки ходитъ бокомъ голубокъ.
Какъ онъ ласково и кротко на свою глядитъ подругу,
А она любовно, нѣжно, такъ и ластится къ супругу.
Вотъ счастливѣйшая пара!.. Я смотрѣлъ и любовался,
Какъ съ голубкой голубъ нѣжно прямо въ губки цѣловался!
Нѣтъ!.. у насъ такихъ супруговъ нынче слышите едва-ли,
Чтобъ они такъ кротко, нѣжно межъ собою ворковали!
Въ наше время бракъ счастливый—аномальное явленіе.
Каждый день въ любой газетѣ прочитаешь объявленіе:
То жена отравить мужа, то супругъ, въ припадкѣ злости,
Превратитъ жену въ котлету и сломаетъ всѣ ей кости;
Или нѣжная супругу вдругъ ошиаритъ мужа варомъ,
Иль въ любимую супругу мужъ запуститъ самоваромъ....
Чрезъ недѣлю послѣ свадьбы, тотчасъ станутъ разводиться
И потомъ, до самой смерти, межъ собой начнутъ судиться;
Не пройдетъ медовой мѣсяцъ, мужъ съ любовницей сойдется,
А жена, иль другомъ дома, иль двумя обзаведется.
И всегда, гдѣ бракъ начнется приключеніемъ любовнымъ,
Наши нѣжные супруги кончатъ дѣломъ уголовнымъ.
Для такихъ супруговъ нѣжныхъ есть непытанное средство,
Пусть они его и дѣтямъ завѣщаютъ, какъ наслѣдство:
Пусть они два раза на день голубятню посѣщаютъ,
Голубинный образъ жизни пусть прилежно изучаютъ,
А что-бъ имъ жилось обонмъ дружелюбій и пріятій,
Пусть устроятъ спальню рядомъ непременно съ голубятней.

Изъ древнѣйшей исторіи поцѣлуя наиболѣе извѣстно цѣлованіе, какъ выраженіе поклоненія, т. е. религиозное цѣлованіе. Въ Св. Писаніи есть много этому доказательствъ, отъ выдержекъ которыхъ, однако, приходится уклониться въ силу стѣснительной рамки статьи, не позволяющей по долго останавливаться на одномъ. Но укажемъ все-таки на одинъ старѣйшій обрядъ, отъ котораго, кажется, поцѣлуй ведетъ свое начало. Люди поклонялись солнцу, лунѣ и звѣздамъ, цѣлуя свою руку. Это именно то суевѣріе, въ которомъ Іовъ считалъ себя виновнымъ.

Въ древнѣйшихъ памятникахъ многихъ странъ мы находимъ вѣсскія и многочисленныя доказательства распространенности этого обычая. Въ извѣстныхъ древнихъ письменахъ въ книгѣ *Job*, говорится о поцѣлуѣ, какъ знакѣ почитанія и почтенія. Древніе Индусы бросались ницъ передъ изображеніемъ солнца и прикладывали руку къ губамъ.

Но исторія народовъ утверждаетъ, что поцѣлуй сталъ извѣстенъ человѣчеству только лишь послѣ разрушенія Трои. Какъ доказательство, она приводитъ слѣдующій анекдотъ:

Когда Троя, послѣ знаменитой *Троянской* войны, представляла собою груды пепла и развалинъ, толпы несчастныхъ жителей разрушеннаго города бѣжали въ чужія страны искать убѣжища, покоя

и мира. Они сѣли на корабли и отплыли далеко отъ родины, задумывая основать колонію въ какомъ-нибудь благопріятномъ пустынномъ уголкѣ, толькобы не принадлежалъ къ непріятельской территоріи.

Послѣ долгаго и многотруднаго путешествія, они достигли, наконецъ, береговъ Тибра, при чемъ мужчины отправились дальше, во внутрь страны, изслѣдовать мѣстность и искать себѣ удобнаго мѣста, а женщины остались на берегу.

Послѣднимъ была крайне непріятна мысль о дальнѣйшемъ путешествіи, такъ какъ долгое скитанье чрезвычайпо ихъ утомило, и онѣ, воспользовавшись отсутствіемъ мужей, порѣшили сжечь корабли, на которыхъ пріѣхали, чтобы отнять возможность у своихъ властителей страствовать далѣе.

Однако, пораздумавъ о томъ, что ихъ ожидаетъ когда мужья узнаютъ о такомъ самоуправствѣ ихъ, онѣ испугались и, чтобы избѣгнуть наказанія, придумали такое вѣрное средство, съ успѣхомъ употребляемое женщинами и въ наше время, въ апалогичныхъ, хотя менѣе серьезныхъ случаяхъ: онѣ поспѣшили на встрѣчу мужьямъ и подѣлуемъ замкнули ихъ „гнѣвные уста“ ... *).

*) Женщины изобрѣтательны вообще; Морицъ Жюли говоритъ: женскій умъ—умъ тактика; онъ болѣе нашего мужскаго